

Т.А. Жданко

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ЭТНОГРАФЫ ХОРЕЗМСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ*

Узбекские этнографические отряды

Большой вклад в этнографические изыскания Хорезмской экспедиции был внесен отрядами, изучавшими узбеков Хорезмского оазиса. Научные задачи отрядов определялись в соответствии с этнографическими особенностями двух больших групп, выделяющихся в составе узбекского населения Хорезма.

Узбеки низовой Амударьи, составляющие большинство населения Хорезмской области Узбекистана, около трети населения Каракалпакстана и значительную часть жителей Северного Туркменистана, неоднородны по происхождению и этнографическому облику. В современной этнографии их принято разделять на северных и южных.

Северные узбеки. По своему этногенезу, этнической истории и бытовым традициям они близки к каракалпакам и казахам. Это так называемые «дештикипчакские» узбеки¹, сохраняющие память о своей родо-племенной принадлежности, потомки тюркоязычных кочевых и полукочевых племен, которые входили в узбекский союз, образовавшийся к началу XV в. в одном из районов Кипчакской степи (Дешти-Кипчак) – в Приаралье и на Нижней Сырдарье, на окраине владений распадавшейся Золотой Орды.

Главная волна переселения племен Дешти-Кипчака с низовьев Сырдарьи в Среднеазиатское междуречье относится к концу XV – началу XVI в. – периоду непрерывных войн узбекских ханов с владевшими Средней Азией, в том числе и Хорезмом, Тимуридами; войны завершились победоносными походами узбекского хана Шейбани, подчинившего все владения Тимуридов. Вслед за войсками Шейбани в Мавераннахр хлынули жители его улуса – кочевники-степняки узбеки, расселившиеся в оазисах и предгорьях, среди местного таджикского и тюркского населения обширного Бухарского ханства, с тех пор длительное время возглавлявшегося правителями династии Шейбанидов.

Хорезм с его главными городами – Ургенчем и Везиром – остался, однако, неподвластным Шейбанидам. После гибели хана Шейбани в сражении с иранским шахом Исмаилом (1510 г.) Хорезм подчинился Ирану и управлялся наместниками шаха. Однако жители оазиса, не желая быть подвластными иранцам-шиитам, в 1511 г. призвали к себе и возвели в ханы одного из степных узбекских султанов – Ильбарса, который вскоре овладел всем Хорезмом. «Ильбарс ... явился родоначальником особой, независимой от Шейбанидов династии, управлявшей Хорезмом (Ургенч, Хива) свыше двухсот лет»². Основанное им Хорезмское или Ургенчское (в ранних русских источниках «Юргенское») ханство с начала XVII в., после переноса столицы в Хиву, стало именоваться Хивинским.

Сразу после переселения в Хорезм Ильбарса, его брата Байбарса и их войска туда стали переселяться и оставшиеся на Сырдарье узбекские племена их улуса. Они селились главным образом на севере, на широких пространствах дельты Амударьи, близ берегов Арала, а позднее начали проникать в южные, издревле земледельческие районы оазиса. Уже с начала XVII в. местное население стало называть северных узбеков *аралами*; это название (иногда в форме аральцы) вошло и в русскую литера-

* Продолжение. Начало см.: «Этнограф. обозрение». 1997, № 1. Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (научный проект «История этнографического изучения Средней Азии и Казахстана в XVIII–XIX вв.». № 95-06 17606).

туру XVIII–XIX вв.³. На одной из первых русских карт, включавшей Приаралье, – «Чертеже земли всей безводной и малопроездной каменной степи», составленной по указу Петра I в 1697 г., с южной стороны Аральского моря обозначено: «кочуют аралцы»; с западной – «около моря, на островах люди аралцы»⁴. Предками большей части северных узбеков – аральцев были узбекские племена, переселившиеся в Хорезм в XVI в.

Южные узбеки. Иными были происхождение и этническая история южной группы нынешних узбеков Хорезма, называвшихся в прошлом *сартами*⁵. Они занимали центральные и южные районы Хорезмского оазиса. Это аборигены, потомки древних хорезмийцев, создателей высокой древнехорезмской цивилизации. У них нет родоплеменного деления; исконно оседлые жители оазиса, они унаследовали от своих предков многовековой опыт орошаемого земледелия, традиции городской жизни, занятия ремеслами и торговлей, многие черты культуры.

Древние насельники оазиса говорили на языке, который, как и языки согдийцев и бактрийцев, принадлежал к восточной группе древних иранских языков. Однако в период средневековья в Хорезм постоянно вторгались кочевые племена и народы, преимущественно тюркоязычные. «Тюркизация Хорезма, проходившая в течение ряда столетий, привела к постепенному поглощению хорезмского языка тюркскими среднеазиатскими языками. Процесс этот завершился, по-видимому, в XV веке»⁶. Таким образом, к приходу степняков-узбеков, принесших с собой этноним «узбек», сарты были уже тюркоязычны, что облегчало сближение с ними узбеков. В течение последующих столетий тесного общения степные племена перешли к оседлости и освоили земледельческий опыт сартов. Сарты же постепенно изменяли свое этническое самосознание и стали именовать себя узбеками. Ко времени национально-государственного размежевания Средней Азии, т.е. к 1924–1925 гг., по данным обследований этих лет⁷, этноним «сарт» почти исчез из употребления; узбеки севера и юга именовали себя одинаково. В образовавшейся Узбекской ССР процесс национальной консолидации всех этнографических групп узбеков усилился и привел к их слиянию в составе узбекской нации.

Тем не менее, учитывая особое значение в исследованиях Хорезмской экспедиции историко-этнографической тематики, руководство ее приняло решение организовать два узбекских отряда, призванных впервые осветить этнографический облик северных и южных узбеков Хорезма.

Североузбекский этнографический отряд

Начальником этого отряда была назначена уроженка Средней Азии Клавдия Леонтьевна Задыхина (1907–1969), научный сотрудник сектора Средней Азии и Казахстана Ленинградской части Института этнографии АН СССР⁸. Она закончила Ленинградский институт истории и лингвистики по среднеазиатскому циклу со специальностью «этнограф-тюрколог и музеевед». С 1933 г. К.Л. Задыхина работала в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого и в Институте этнографии АН СССР, в 1941 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему, связанную с исследованием общественного строя казахов в XVIII–XIX вв. Хорошее знание истории и этнографии Казахстана способствовало переключению ее научных интересов на изучение этнографии дештикипчакских узбеков Хорезма, близких своей историей и культурой к родственным им казахам.

Отряд К.Л. Задыхиной работал в 1946, 1947, 1948 и 1952 гг. главным образом на территории Каракалпакстана, в левобережных Кунградском, Ходжейлинском и Шуманайском районах, а также в Кипчакском районе, расположенном на обоих берегах Амударьи⁹. На этих территориях был собран основной этнографический материал отряда. В Хорезмской области Узбекистана работа велась лишь в Новоургенском, Мангытском и Гурленском районах, где почти все северные узбеки, переселившиеся туда спонтанно или насильственно (после подавления восстаний аральцев против хивинских ханов), смешались с коренным населением. Процесс ассимиляции узбеков

сартами за многие годы зашел здесь настолько далеко, что они забывали свои родовые и племенные названия. Это отмечали и местные жители – информаторы отряда, утверждавшие, что «на юг от Гурлена живут «узбеки-сарты», а от Гурлена к северу – «чистые узбеки» (таза узбеклар)»¹⁰.

Опросы населения помогли К.Л. Задыхиной составить две детальные этнические карты – Кунградского и Кипчакского районов, опубликованные в «Трудах» Хорезмской экспедиции; на них обозначены места расселения наиболее крупных и компактных племенных и родовых групп узбеков (главным образом конгратов и кипчаков), а также соседних с ними народов – казахов, каракалпаков, туркмен и др.¹¹. Проведенное при сборе материалов для этнических карт обследование городов и селений дало возможность уточнить состав северных узбеков, учесть все разнообразие их родоплеменных группировок.

Собранные сведения о родах и племенах помогли выяснить историю формирования узбекского населения Хорезма. Важные свидетельства содержались в записанных отрядом преданиях о происхождении отдельных родов и о времени их прихода в Хорезм; при этом время их переселения старики вычисляли сами путем подсчета поколений и ссылок на родословные – *шеджере*. Последние обычно доводятся от «предка рода» до поколения самого информатора, его детей и внуков. Полевые материалы сопоставлялись с данными исторических источников, в первую очередь с известным сообщением хивинского придворного историка Муниса. Он писал, что хивинский хан Абулгази (1643–1663) в целях прекращения непрерывных распрей узбекской знати, борющейся за расширение своих удельных владений, разделил узбеков на четыре части (*тупэ*): одно тупэ составили уйгуры и найманы, другое – конграты и кыяты, третье – нукузы и мангыты и четвертое – канглы и кипчаки. К этим основным парам родов он присоединил объединение из 14 родов, называемое *он турт уруг*, а к каждому из главных родов – по одному или по два других (видимо, меньших по численности). После этого «все земли по каналам, которые выходят из Амударьи, были поделены между ними»¹².

Учитывая и другие исторические источники, в том числе сообщения русских и среднеазиатских источников XVIII–XIX вв., К.Л. Задыхина выявила наиболее исторически значимые племенные группировки у узбеков Хорезма: в XVI – начале XVII в. это были уйгур, найман и дурмен, являвшиеся опорой хана Ильбарса и первых его наследников. Позднее главную роль играли конграты, кипчаки, мангыты, канглы и другие племена¹³. Был обоснован и вывод о том, что одни из них, например конграты, частично обитали в Хорезме и до прихода в низовья Амударьи дештикипчакских узбеков, а другие, к примеру канглы, кипчаки, и до монгольского завоевания¹⁴.

Родоплеменные этнонимы северных узбеков проливали свет на некоторые особенности этногенеза. Как и у других тюркоязычных этносов, у северных узбеков значительное число этнонимов воспроизводило названия средневековых племен и народов, частью уже исчезнувших. Поэтому анализ этнонимов, при их корреляции с историческими источниками, расширяет круг данных для изучения этногенетических процессов и этнических связей. В данном случае при сопоставлении с этнонимами других народов Приаралья явственно выступили связи этногенеза северных узбеков Хорезма прежде всего с каракалпаками и казахами, а также с ногайцами¹⁵.

Еще один аспект изучения североузбекских родо-племенных этнонимов был связан с анализом родо-племенной структуры – характера ее разветвления на звенья и их соотношения, при котором наблюдается преобладание четного членения и попарные связи многих родов. К.Л. Задыхина проследила эту традицию, восстановив структуру конгратов: они делятся на четыре тупэ, каждое из которых включает несколько крупных родов¹⁶. Показательна и структура кипчаков. Старики утверждали, что у них восемь родов (*сегиз-уруг кипчак*), так как кипчаки делятся на четыре группы, в каждой из которых два «парных» рода¹⁷.

Анализируя эту часть своих материалов, К.Л. Задыхина согласилась с предположением С.П. Толстова об исторической закономерности четного членения родо-

племенных структур, прослеженного им не только у современных тюркоязычных народов Средней Азии, но и у средневековых огузов, печенегов, монголов. Он рассматривал это явление как пережиток дуальной организации¹⁸.

К.Л. Задыхина соглашалась и с Т.А. Жданко, которая обнаружила аналогичное членение и парные роды в разных звеньях родо-племенной структуры каракалпаков и полагала, что это можно объяснить перенесением на попарно объединяемые племена и роды некоторых древних фратриальных традиций. В этом Т.А. Жданко убеждало, в частности, сравнение с монголами. Данные о семейно-брачных отношениях у монголов XI–XIII вв. (в «Собрании летописей» Рашид-эд-Дина и в «Сокровенном сказании») свидетельствуют, что у них «часто наблюдалось обыкновение братья невест в какой-нибудь род из одного и того же рода». Члены таких родов (мужчины) величали друг друга «сватами» – *xuda*. Имсеется много указаний, в частности, на отношения *xuda* между родом Чингисхана – *кият-борджигин* и родом *конграт*, из которого кияты брали себе невест¹⁹.

Нельзя не видеть аналогий этому в полевых материалах К.Л. Задыхиной. Так, в 1948 г. в Хорезмской области ее отряд работал среди узбеков «парной» группы кият–конграт, уже давно переселившейся с севера («из Кунграда»). Название «Кият–конграт» тогда получили и местность, где они поселились, и прорытый ими арык. Старики утверждали, что и кияты, и конграты издавна соблюдали обычаи взаимных браков²⁰.

В Кипчакском районе старики объясняли К.Л. Задыхиной парную связь кипчакских родов, в том числе *канглы* и *канджигалы* – исторически наиболее значимых среди них, тем, что они связаны родством: канглы брали жен из рода канджигалы, а канджигалы – из рода канглы. Они всегда селились по соседству²¹. Следовательно, семьи этих родов были родственниками, но не кровными, а по браку, т.е. свойственниками.

Таким образом, у узбеков Хорезма обнаруживается многовековая традиция «парности» многих родовых групп и отношений свойства между ними. Весьма вероятно, что с этой монгольской (или тюрко-монгольской) традицией, отмеченной в XI–XIII вв., было связано и разделение в XVII в. в Хорезме Абулгази-ханом узбеков на четыре тупэ – по два рода в каждом. Напомним, в одном из этих тупэ были объединены именно кияты и конграты. Не свидетельствует ли это о том, что и через три столетия (в 1940-х годах) прослеживаются отголоски парной связи у потомков этих родов? Столь же архаична парная связь между упоминавшимися кипчакскими родами канглы и канджигалы (считающихся потомками средневековых половецких родов кангуоглы и анджоглы), до недавних пор сохранявших у хорезмских узбеков взаимоотношения «сватов». По мнению К.Л. Задыхиной, брачные отношения между ними «могут рассматриваться как фратриальные пережитки существовавшего когда-то обязательного брака между этими родами»²².

Записанные отрядом передаваемые из поколения в поколение предания об истории племен и родов и их переселениях расширяют и обогащают многочисленными деталями сведения об этнической истории узбеков. Часть преданий повествует о перекочевке узбеков в XVI в. с Нижней Сырдарьи в Северный Хорезм. В них указывается и время этого события – «около 500 лет тому назад». Сообщают, что передвигались они, «оставляя Аральское море справа» – вдоль русла Янгидарьи (самый западный проток дельты Сырдарьи); перекочевывали с семьями, со скотом, на верблюдах, лошадях, свое имущество везли на запряженных быками арбах, называвшихся *чат-кокрек* (с кузовом, сплетенным из прутьев – *чат*). Придя в Хорезм, узбеки вначале останавливались у протоков и озер дельты Амударьи, в местностях, заросших тугайным лесом и камышом. Занимались они скотоводством, рыболовством, охотой; расчищая тугаи, возделывали небольшие поля, орошая их затоплением, сеяли просо, пшеницу, джугару. Но в те времена у них преобладало скотоводство: «на трех скотоводов приходился один земледелец», как говорили старики. И добавляли, что узбеки тогда были полукочевниками (*поскончи*), часто переходили с места на место, жили в юртах²³.

Многие старики рассказывали и о более поздних переселениях, в которых участвовали их деды. Приходившие из степи в разное время роды и их подразделения селились возле сородичей, которые уже осели и успели провести канал, названный по имени рода.

В итоге исследования собранных материалов о переселении узбеков в Хорезм К.Л. Задыхина пришла к важному выводу: переселение не было единовременной миграцией, вызванной лишь завоеваниями узбекских ханов Шейбани и Ильбарса; отдельные группы дештикипчакских племен приходили из степи как до начала XVI в., так и после. «Хорезм являлся древней культурной областью и на протяжении столетий был тесно связан с кочевой степью общими экономическими и культурными интересами», – писала она²⁴. Народные предания и воспоминания, основанные на конкретных житейских примерах, показали, что заселившие Хорезм узбеки продолжали поддерживать связь с Дешти-Кипчаком, откуда шел постоянный приток новых групп, присоединявшихся к ранее прибывшим сородичам. Истоки этих связей уходят в глубь веков – в этом убеждают итоги археологических раскопок, проведенных Хорезмской экспедицией в районах прежнего обитания степных племен, в том числе в низовьях Сырдарьи. Там обнаружено и исследовано множество великолепных исторических памятников – эпохи поздней бронзы, сакских, племен джетысарской культуры, огузских и др., свидетельствующих о связях древних и средневековых степных племен с земледельческими оазисами, в первую очередь с Хорезмом²⁵.

Другая часть преданий и воспоминаний стариков основана на рассказах их отцов и дедов о том, как происходил переход к оседлости их предков – скотоводов, ставших жителями земледельческого оазиса. Они перенимали у сартов опыт оросительных работ, устройства водоподъемных сооружений, возделывания разнообразных сельскохозяйственных культур, начали строить оседлые жилища, некоторые селились в городах. Происходила постепенная адаптация степняков к новым экологическим условиям и к окружающей этнической среде. Наиболее интенсивным этот процесс был в южных районах Хивинского ханства.

Процесс перехода узбеков к оседлости К.Л. Задыхина проследила, в частности, на материалах по бытованию у них в качестве традиционного жилища юрты. Выяснилось, что ко времени работы ее отряда у узбеков в Хорезмской области юрта уже исчезла; в Кипчакском районе она встретилась лишь один раз. Но на севере, особенно в Кунградском районе, юрта бытовала повсеместно: там «до настоящего времени почти в каждом хозяйстве имеется юрта, стоящая либо в открытом айване, либо на площадке перед домом ("джай"), либо в саду, на огороде», – писала К.Л. Задыхина в 1952 г.²⁶ В то же время у узбеков сказывалась большая, чем у каракалпак и казахов, давность перехода к оседлости: узбекская юрта (по словам мастеров, изготавливающих деревянные части) в 3 раза тяжелее юрты названных народов; решетки деревянного остова ее толще, грубее, так как она не предназначалась для дальних перевозок, частой разборки и стала уже своего рода оседлым жилищем.

Прослеженные К.Л. Задыхиной особенности оседания узбеков в Хивинском ханстве, выявленная ею тенденция к компактному расселению оседающих родо-племенных групп в местностях, орошаемых проведенными ими каналами, подтверждает замеченное историками отличие процесса оседания в Хорезме от аналогичного процесса в других районах Средней Азии. Так, П.П. Иванов писал, что в Хивинском ханстве «возникавшие в результате оседания населенные пункты получали названия крупных узбекских родов, например, Кунград, Мангыт, Кипчак, Ктай и другие»²⁷, ибо у хивинских узбеков переход к оседлости не сопровождался распадом крупных племенных объединений на отдельные составные части, как это происходило, например, в Бухарском ханстве.

Большое место в работе отряда заняло изучение семьи, обычаев и обрядности северных узбеков. К.Л. Задыхина впервые записала и опубликовала их терминологию родства и свойства (по линии отца: «говорящий – мужчина», по материнской линии: «говорящая – женщина»)²⁸. Был собран также большой материал по сохранявшемуся

у северных узбеков древнему обычаю возрастного деления и недавно еще бытовавшей традиции мужских собраний – *зиафат*, их церемониал²⁹. Эта тема особенно интересовала руководителя отряда; позднее она исследовалась дополнительно и была развита К.Л. Задыхиной в солидной статье теоретического характера, с широким привлечением сравнительного материала и специальной литературы – археологической, исторической, востоковедческой³⁰.

В изучении религиозных представлений принимал живейшее участие Ю.В. Кнозоров, в 1947 г. еще студент-практикант. Он разыскал нескольких шаманов (*порхан*), и, сумев войти к ним в доверие, сделал ценные записи о местных формах камлания – *ойна* (букв. «игра»), или *зикр*. Исследование культа мазаров легло в основу его интересной статьи о мавзолея Шамун-наби (находится в окрестностях Ходжейли)³¹.

Работа отряда К.Л. Задыхиной не ограничивалась историко-этнографическими изысканиями. Был собран обширный материал и по современному быту; специальные исследования по этой теме велись в Кунградском, Кипчакском и других районах. В научных отчетах и статьях К.Л. Задыхиной впервые представлена разносторонняя этнографическая характеристика этой крупной, не изучавшейся ранее, своеобразной этнографической группы узбекского народа со всеми преобразованиями, происшедшими в ее культуре и быту к 1940-м годам и со всеми сохранившимися традициями. Как опытный музейный работник К.Л. Задыхина много внимания уделяла материальной культуре – жилищу, одежде, пище, сочетая их подробное описание и фиксацию (чертежи, рисунки, фотографии) со сбором экспонатов для музея.

Через несколько лет после работы в Хорезмской экспедиции К.Л. Задыхина приступила к изучению этнографии узбеков Южного Узбекистана, родственных северным узбекам Хорезма, однако она успела только опубликовать о них статью и составить (совместно с Я.Р. Винниковым) этническую карту по полевым материалам, собранным в Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областях. Безвременная кончина прервала этот новый цикл ее исследований³².

Южноузбекский этнографический отряд

Начальником Южноузбекского отряда была Мария Васильевна Сазонова (1906–1988) – заведующая отделом этнографии народов Средней Азии Государственного музея этнографии народов СССР (Ленинград). Уроженка Ташкента, она окончила в 1930 г. Восточный факультет Среднеазиатского Государственного университета (САГУ), специализируясь по тюркским языкам; М.В. Сазонова со студенческих лет интересовалась этнографией и языком узбеков. Переехав в 1931 г. в Ленинград, она стала работать научным сотрудником в этнографическом отделе Государственного Русского музея, который в 1934 г. был преобразован в Государственный музей этнографии – ГМЭ (позднее – Государственный музей этнографии народов СССР, теперь – Российский этнографический музей – РЭМ). Там Мария Васильевна сочетала музейную работу с научно-исследовательской деятельностью, руководила созданием многих экспедиций по этнографии народов Средней Азии, вела методическую работу и увлекалась изучением исторических материалов в архивах, став одним из исследователей вновь обнаруженного проф. П.П. Ивановым «Архива хивинских ханов XIX в.»³³.

Востоковедное образование, знание узбекского языка дали М.В. Сазоновой возможность изучить оригиналы ряда налоговых и других документов, относящихся главным образом к узбекскому оседлому населению центральных районов Хивинского ханства. Эти материалы легли в основу исследования «Земельные отношения в Хивинском ханстве в XIX в.», ставшего ее кандидатской диссертацией³⁴. Направление научной деятельности М.В. Сазоновой, проявлявшей большой интерес к работам Хорезмской экспедиции, послужило веским основанием для привлечения ее С.П. Толстовым к этнографическим исследованиям в Хорезме.

Южноузбекский отряд работал в 1946–1949 гг. Основными районами его полевых изысканий в Хорезмской области Узбекистана были Ханкинский, Хивинский, Ха-

зараспский и Кошкूपырский; в один из сезонов было проведено также обследование в Турткульском и Шаббазском (позднее – Бирунийский) районах Каракалпакии, где преобладает узбекское население. Древние города Хорезма – Хива, Ханки, Хазарасп и их сельская округа – часть оазиса, где сосредоточен основной массив исконно земледельческого оседлого узбекского населения – сартов, которых русские путешественники начала XIX в. называли «старинными жителями сих земель»³⁵, «настоящими и первобытными владельцами сего края»³⁶.

Еще дореволюционные авторы писали о необходимости историко-этнографического изучения аборигенного населения Хорезма. В.В. Бартольд считал его культуру необычайно архаичной, сохраняющей «много своеобразных черт, которые напрасно было бы искать в других частях Туркестана». Среди таких древних элементов он называл форму расселения сельских жителей («дом землевладельца находится в центре его земельного участка»); сохранение в современном хорезмском диалекте узбекского языка древнеиранских названий оросительных каналов (*арна*, *ян*) – остатков хорезмийского языка; старинный тип арбы и др.³⁷.

По мнению В.В. Бартольда, несмотря на тесные торговые сношения с другими странами, «в окруженном пустынями Хорезме, как в окруженной морями Англии, вся жизнь носила своеобразный уклад...»³⁸. Богатство и своеобразие древней культуры Хорезма стали особенно очевидными в период развернувшихся там археологических работ Хорезмской экспедиции. В связи с этим поставленные перед Южноузбекским этнографическим отрядом задачи несколько отличались от других. Его участникам рекомендовалось, изучая традиции, сохранившиеся в культуре и быте южных узбеков, уделять особое внимание знакомству с работами и находками археологов экспедиции, выявлять историческую преемственность в культуре коренного населения оазиса, свидетельства ее связи с наследием предков.

Одной из первоочередных задач отряда было выяснение современного расселения южных узбеков. В дополнение к общим данным переписи населения 1926 г. и последующих статистических обследований Хорезмской области, не учитывающих этнографические группы узбеков, отряд во время своих маршрутов собрал необходимый материал для подробной этнической карты этого региона. Так, на опубликованной ее части (карта Ханкинского района) обозначены узбеки без родо-племенного деления, узбеки, сохранившие в памяти это деление, а также казахи и обузбеченные потомки иранцев – бывших рабов (*кул*)³⁹.

Полевые историко-этнографические материалы по ирригации и земледелию южных узбеков М.В. Сазонова собирала в 1946–1949 гг. в Хорезмской экспедиции⁴⁰ и продолжила в 1971 г. в Среднеазиатской экспедиции в связи с подготовкой Историко-этнографического атласа, для которого она разрабатывала раздел о традиционном хозяйстве населения Хивинского ханства, опубликовав в процессе этой работы монографию по теме своего исследования⁴¹. Обширный круг исторических сведений о развитии с древнейших времен ирригации и земледелия в Хорезмском оазисе, накопившихся в новейших трудах археологов, историков, географов и других специалистов, существенно обогатился данными этнографии, которая изучает многовековой опыт земледельцев на основе сохранившихся до наших дней хозяйственно-культурных традиций. При этом знание документов хивинских архивов помогало М.В. Сазоновой во время полевых работ опираться на исторически засвидетельствованные события, факты, имена и термины⁴².

Сотрудниками отряда записан ряд преданий о строительстве важнейших древних каналов ханства, о времени проведения и прежних названиях современных каналов, о технике устройства плотин и дамб, а также рассказы стариков о самой тяжелой для крестьян повинности – ежегодной очистке магистральных каналов, проводившейся под надзором жестоких ханских надсмотрщиков. Со слов опытных земледельцев описаны особенности планировки полей для полива различных сельскохозяйственных культур. Много сведений собрано о чигирном орошении, имевшем особое значение в условиях Хорезмского оазиса. Изучалось устройство *чигирей*, обычаи пользования ими, их

разновидности (они отличались размерами водоподъемных колес, числом прикрепленных к ним кувшинов и т.д.); сделаны чертежи, рисунки. Описано и уже исчезнувшее примитивное и, очевидно, более древнее, чем средневековый чигирь, водоподъемное устройство *сепма*, с ручным способом подачи воды из более низкого места вверх лопатой, укрепленной веревкой на треножнике из кольев; впервые описан праздник в честь покровителя («пир») чигирей – Нойлодж-бобо. Отрядом было собрано также немало сведений об обычаях водопользования, о существовавших еще недавно *джабды* – общинах водопользователей, объединявших родственников и соседей⁴³.

Столь же широка тематика полевого материала по земледелию. В 1940-е годы во многих хозяйствах колхозников еще удавалось обнаружить архаичные сельскохозяйственные орудия – хорезмский тип пахотного орудия, аналогичный среднеазиатскому *омачу*, но носящий древнее иранское название *кунде* – термин, сохранившийся только в Хорезме⁴⁴. Зарисован и описан бытующий до сих пор набор многих видов лопат, характерный для Хорезма; он отличался разнообразием форм и функций (для земляных работ, для очистки каналов, для строительства глинобитных построек и т.д.); некоторые из них такие же, как и найденные археологами на средневековых памятниках. Этнографы исследовали способы возделывания различных сельскохозяйственных культур и их сортов, представленных в Хорезме в своеобразном подборе (Н.И. Вавилов считал, что их неповторимое сочетание выработано тысячелетним опытом народа⁴⁵). Был выявлен и народный аграрный календарь, определяющий сроки разных полевых работ.

Интересны сведения о календарных праздниках и обрядах, в том числе о хорезмской форме празднования Науруза: некоторые особенности его церемониала в этом регионе уже отмечались в литературе⁴⁶. Этой темой занималась, в частности, и Н.П. Лобачева, работавшая в 1947 г. в составе отряда М.В. Сазоновой; она обратила внимание и на праздник огня – Охир чоршомба (Последняя среда), отмечавшийся в месяце Сафаре (в этот день на дорогах и перекрестках парни и девушки жгли костры и прыгали через них, разбивая посуду и бросая ее черепки в огонь). По мнению Н.П. Лобачевой, в своей древней форме этот широко распространенный в Средней Азии и Иране праздник кроме «очистительной» функции имел и другую – стимулировать приход солнечного тепла после зимы, способствовать возрождению природы⁴⁷.

Как живой реликт далекого прошлого предстает перед этнографами местная арба⁴⁸ – одно из свидетельств древности и своеобразия культуры Хорезма. Главная особенность хорезмской арбы в том, что возница сидит в ней и правит вожжами, тогда как в других областях Средней Азии он «сидит на загривке лошади, поставив ноги на концы оглоблей и правит короткой уздечкой...»⁴⁹. В.В. Бартольд полагал, что, судя по находкам так называемого амударьинского клада, хорезмский тип арбы древнее общесреднеазиатского⁵⁰. Миниатюрная золотая модель древнеиранской двухколесной повозки из амударьинского клада (V – IV вв. до н.э.⁵¹) отличается не только местонахождением (сидящего в ней) возницы, но и колесами, по ребру обода которых расположены многочисленные головки вбитых в него шипов, как и у хорезмской арбы. (В Хорезме обод колес делают не из гнутого дерева, а из девяти подогнанных друг к другу деревянных частей, склеенных и скрепленных вбитыми в гребень обода крупными гвоздями с большими шляпками.) В конструкции кузова хорезмской арбы тоже есть особенности, в частности, она имеет передок (*занги*), напоминающий козлы, на котором сидит арбакш.

Фиксируя части арбы, этнографы записывали и рассказы мастеров о связанных с ее изготовлением обычаях. Их работу облегчало существование значительного числа мастерских по производству арб и сохранение опытных, иногда потомственных мастеров в келхозах Хорезмской области и районе Шаббаза (Бируни), получавших много заказов на арбы, несмотря на широкое развитие автотранспорта.

Южноузбекский отряд изучал также гончарство, художественную набойку и ювелирное производство; эти отрасли более других дают возможность сопоставления с археологическими материалами. Изделия гончарных артелей Хазараспа, Ханки и

других мест обнаруживают, по мнению М.В. Сазоновой, наибольшее число аналогий со средневековой керамикой Замахшара, Наринджана и Кават-калы. Сходство здесь не только в форме, но и в материале, в составе поливы, в художественном оформлении; при этом проявляется многовековая традиция устойчивого соотношения формы, отделки и, видимо, назначения каждого вида сосудов. Художником отряда зарисованы гончарные печи, образцы изделий, детали их отделки, сделано множество цветных рисунков орнамента на поливных блюдах (*бадья*) работы гончаров Ханкинского, Хивинского, Кошкуньрского районов⁵².

Издавна славилась разнообразием и красотой орнамента хорезмская набойка. С ней были связаны два народных искусства: резчиков деревянных штампов – *калып* и мастеров-*читкаров*, подбиравших калыпы и компоновавших сочетания узоров на хлопчатобумажной ткани домашнего производства (*бозь*). Отряд не застал уже мастерских набоечников, исчезнувших совсем недавно, но отыскал широко известных мастеров-читкаров и резчиков калыпов, сообщивших ценные сведения об этом древнем ремесле, имевшем, как и другие занятия, своего святого покровителя. Со слов мастеров этнографы описали технику производства, традиционные наборы узоров для разных предметов домашнего обихода – одеяла, подушки, скатерти-дастархана и др. (их орнаментация строго различалась), а также связанные с ними обычаи и поверья (особое почтение к набойке-дастархану и др.). Зарисованы орнаменты набойки. М.В. Сазонова подтвердила своими полевыми материалами наблюдение С.П. Толстова о сходстве узоров набойки с некоторыми орнаментами настенных росписей дворца Топрак-кала⁵³.

Обширный материал был собран также по ювелирным изделиям и их производству; он обобщен М.В. Сазоновой в одной из статей. Пытаясь выяснить древнюю семантику традиционных хорезмских украшений, связь с доисламскими представлениями, она привлекла большой круг археологической, исторической, этнографической, искусствоведческой литературы⁵⁴. Так же тщательно, используя исторический и сравнительный этнографический материал, она обобщила и собранные сведения о народной одежде⁵⁵.

Вопрос об исторических причинах рассредоточенного «хуторского» сельского расселения в Хорезме М.В. Сазонова рассматривает, опираясь на его трактовку С.П. Толстовым в работах 1940-х годов⁵⁶. Всесторонне изучалось жилище южных узбеков, особенно характерные для Хорезма *хаули*, сохранившие средневековый облик крепости с высокими глинобитными стенами, охватывающими все постройки усадьбы, с ложными бойницами на фасаде и башенками, а также с единственным входом – высокими воротами. Несколько старинных больших хаули, уже полуразрушенных и нежилых, изучались при участии местных старожилов, пояснивших назначение и названия многочисленных помещений, смысл их традиционной планировки⁵⁷.

М.В. Сазонова впервые сопоставила архитектурную конструкцию и планировку хаули с раскопанными археологами экспедиции усадьбами средневекового Кават-калинского оазиса XII – начала XIII в.; ее выводы о признаках их сходства и явной преемственности поддержаны археологами. Так, Е.Е. Неразик, обращаясь к этнографическим материалам М.В. Сазоновой, признает, что прототипом хаули было сельское жилище XII – начала XIII в., что «ближе всего к южноузбекским большесемейным хаули некоторые крупные [средневековые] жилища в Кават-калинском оазисе»⁵⁸. Е.Е. Неразик поддержала и выводы М.В. Сазоновой о том, что хаули было жилищем больших неразделенных семей. При исследовании семьи хорезмских узбеков М.В. Сазонова опиралась на подробные рассказы стариков об обитателях хаули конца XIX – начала XX в., их родственных отношениях, многопоколенном составе семьи, общем хозяйстве, быте⁵⁹.

Современный быт и культура южных узбеков изучались отрядом в одном из колхозов Кошкуньрского района⁶⁰. Попутно с полевыми исследованиями М.В. Сазонова собирала экспонаты для Государственного музея этнографии народов СССР. С 1966 г. она стала работать в Ленинградской части Института этнографии АН СССР.

Узбекский этнографический отряд (по изучению религиозных верований)

Прерванные после 1949 г. работы Хорезмской экспедиции среди южных узбеков были возобновлены в 1950-е годы, когда был организован новый узбекский этнографический отряд, начальником которого стал Г.П. Снесарев.

Глеб Павлович Снесарев (1910–1989) в 1930 г. закончил этнографическое отделение этнологического факультета МГУ. Еще в студенческие годы он стал изучать ислам и религиозные верования народов Средней Азии, занимаясь в семинаре под руководством С.П. Толстова. С 1931 по 1936 г. Г.П. Снесарев работал в Центральном государственном музее УзССР (г. Самарканд), создав там экспозицию по своей специальности и участвуя в этнографических экспедициях музея, в том числе в Хиву и в Хорезмскую область (1932 г.). Возвратившись в Москву, он начал работать научным сотрудником Центрального музея истории религии и атеизма, где руководил отделом ислама, в 1952 г. был принят на работу в Институт этнографии АН СССР.

Узбекский этнографический отряд Г.П. Снесарева работал в 1954–1959, 1961, 1966 и 1968 гг. Его изыскания сосредоточились главным образом в области духовной культуры. Г.П. Снесарев надеялся выявить пережитки зороастризма – религии, господствовавшей в Средней Азии до ее завоевания арабами, и обнаружить следы еще более древних верований, которые позволили бы «проникнуть к весьма ранним формам религиозного сознания»⁶¹.

Отряд вел свои исследования преимущественно в Хорезмской области УзССР – городах и районах Хивы, Хазараспа, Ханки, и частично в соседней Северной Туркмении (г. Куня-Ургенч и др.) и Каракалпакии (г. Шаббаз-Бируни и др.), в местах расселения исконных аборигенов Хорезма – узбеков-сартов. Г.П. Снесарев рассчитывал, что изыскания в этой этнической среде будут наиболее продуктивны, и не ошибся. Успеху поисков Г.П. Снесарева помогало и то, что ряд тем его исследований тесно смыкался с археологическими работами экспедиции, с которыми он был прекрасным знаком, так как сам принимал в них участие. По его мнению, археологи внесли ясность во многие вопросы погребальной обрядности, а «богатейший материал глиняной пластики – терракотовых статуэток, керамических рельефов, а также печатей, нумизматики... позволяет более уверенно говорить о характере древнехорезмийского пантеона»⁶². Однако не менее ценным источником он считал реликтовые явления, с которыми встречается «в поле» этнограф⁶³.

Уже в первые годы полевых исследований стали накапливаться обильные материалы по целому ряду тем: представления о духах, населяющих мир; семейно-бытовая обрядность, насыщенная множеством магических приемов; воспитание детей, похороны и другие семейные события; народные празднества, их ритуалы, в том числе и пиршества; верования и обряды, связанные с земледелием, строительством каналов, с плаванием судов по Амударье и культ ее вод; профессиональные культы, основанные на почитании святых, покровителей («пир») занятий и ремесел; поклонение святыням («мазар»).

Г.П. Снесарев отмечал сложность полевых религиоведческих исследований. «Наши научные интересы в пятидесятые годы, – писал он, – затрагивали одну из наиболее деликатных сторон человеческого сознания – религиозные верования... Это наиболее труднодоступная область духовной культуры. Проникнуть в нее не так просто»⁶⁴. Работа требовала большого такта, умения разъяснить собеседникам свои задачи, вызывать у них интерес, понимание, доверие. Отряд с этими трудностями успешно справлялся. Старикам, муллам, шейхам импонировала компетентность Г.П. Снесарева в вопросах ислама, непривычный для того времени интерес к их религии и святыням. У женщин пользовалась необычайной симпатией и доверием участница работ отряда Гульнур Сулеймановна Куртмуллаева – опытный этнограф, работавшая вместе с Г.П. Снесаревым в Самарканде, в музее. Он называл ее своей «правой рукой» в отряде, восхищался ее популярностью у информаторов всех возрастов. «Собира-

телем Гульнур-апа была феноменальным», – говорил он о Куртмуллаевой⁶⁵. С большой теплотой характеризовал Глеб Павлович и других сотрудников отряда, отмечая их профессионализм и увлеченность своей работой.

Новые материалы нашли отражение в большом числе публикаций. Уже в первые годы экспедиционных работ Г.П. Снесарев издал ряд статей о некоторых архаических обрядах, о следах маздеистских традиций, о пережитках древних социальных институтов в семейной и общественной жизни южных узбеков, прежде всего общины (*элат*); этой теме отряд уделял большое внимание, разрабатывая ее в тесной связи с изучением домусульманских обрядов и обычаев⁶⁶. Появились статьи Н.П. Лобачевой, изучавшей свадебную обрядность, быт женщин и женские поверья⁶⁷, архитектора отряда Ю.В. Стеблюка, занимавшегося архитектурой культовых сооружений – мавзолеев и надгробий⁶⁸.

В 1969 г. вышла в свет капитальная монография Г.П. Снесарева «Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма», научное значение которой выходит далеко за рамки этнографии Хорезма и Средней Азии в целом. В этой книге приведен в систему огромный полевой материал, подвергшийся глубокому и разно-стороннему историческому и сравнительно-этнографическому анализу; впервые исследуется целый комплекс религиоведческих проблем. Отдельные главы посвящены демонологическим представлениям и пережиткам шаманства, семейно-бытовым обрядам, пережиткам культа плодородия, почитания животных; рассматриваются элементы древних домусульманских верований в культе мусульманских святых, столь характерные для синкретизма среднеазиатского ислама. В рецензии на эту книгу было особо отмечено значение открытых Г.П. Снесаревым в Хорезме реликтов зороастризма, наиболее устойчиво сохранявшихся в погребальных обрядах; автор «поставил в связь с зороастрийскими божествами и духами Авесты» и многие другие пережиточные явления, показав, что эта религия оставила глубокий след в народной жизни⁶⁹. Многие сюжеты, лишь затронутые в монографии, Г.П. Снесарев развил в более поздних статьях⁷⁰. Ряд его работ посвящен анализу некоторых древних социальных институтов и обычаев народов Средней Азии⁷¹.

Чрезвычайно интересен и плодотворен был опыт этнографического картирования на материале погребальной обрядности. Сопоставив этническую карту Южного Хорезма с лингвистической, Г.П. Снесарев установил соотношение в XIX–начале XX в. ареалов расселения сартов и сохранявших родо-племенное деление узбеков с ареалами узбекских диалектов Хорезма. В результате выявилось совпадение территорий господства огузского наречия с расселением сартов, а разных говоров кипчакского наречия – с родо-племенными группами дешти-кипчакских узбеков. Этот вывод важен для изучения исторических этапов тюркизации хорезмского населения: она особенно активно протекала, как показала карта, в период огузской экспансии⁷².

Кроме того, материалы обследования около 70 кладбищ позволили наложить на этнолингвистическую карту ареалы двух типов захоронения в Хорезме – подземного и наземного. Обнаружилась стойкая зависимость способа захоронения от различий в этногенезе сартов и дешти-кипчакских узбеков. Преобладание более древнего (по мнению Г.П. Снесарева, связанного с зороастрийскими традициями) наземного (склепного) типа погребения оказалось характерным для сартов⁷³.

Итогом полевых исследований в области агиологии стала книга Г.П. Снесарева «Хорезмские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии»⁷⁴. Легендарные биографии святых, почитавшихся в Хорезме, сопоставлены здесь с историческими данными в целях выяснения времени и причин утверждения их культа в оазисе. Выявлено несколько категорий святых; облик древнейшего из них перекликается с образами иранской мифологии и эпоса, с зороастрийскими персонажами; более поздняя группа представлена библейско-кораническими персонажами и суфийскими святыми. Кроме того, в средневековье и в новое время происходила сакрализация представителей власти, местной знати – исторически достоверно известных людей, не принадлежавших к духовенству. Истоки их сакрализации Г.П. Снесарев

видит в существовавшей со времен глубокой древности традиции наделения сверхъестественными свойствами представителей верховной власти, их обожествления⁷⁵.

О том, как собирались этнографами сведения о религиозных традициях, увлекательно рассказано в популярной книге Г.П. Снесарева «Под небом Хорезма». В ней ярко и живо описаны путешествия, приключения и встречи, экспедиционный труд и быт. Повествование местами пронизано мягким юмором, в нем много экскурсов в загадки и тайны изучаемых научных проблем. Автор подробно рассказывает о взаимоотношениях с населением; каждый из его собеседников предстает перед читателем как личность. Недаром рецензенты оценили эту книгу как пропагандирующую этнографическую науку: она приобщает читателя к тематике, методике и к романтике этнографических исследований.

Об особенностях работы этнографа говорят уже слова, которыми Г.П. Снесарев предваряет повествование: «Жителям Хорезма – старым и молодым, мужчинам и женщинам – с благодарностью за помощь и гостеприимство посвящает автор эту книгу»⁷⁶.

Туркменский этнографический отряд

Начальником Туркменского этнографического отряда была Галина Петровна Васильева, ныне доктор исторических наук, известный этнограф-туркменовед. В 1942 г. она окончила исторический факультет МГУ по кафедре этнографии; там же в послевоенные годы она прошла курс аспирантуры под руководством проф. С.П. Толстова. В 1948 г., будучи уже сотрудником Института этнографии АН СССР, она защитила кандидатскую диссертацию на тему «Туркменское племя нохурли»⁷⁷. Сбор полевых материалов для диссертации был труден, поскольку нохурцы, небольшая этнографическая группа туркмен с тогда еще невыясненным, загадочным происхождением, издревле обитали в южных районах Туркменистана, которые примыкали к туркмено-иранской границе; их аулы расположены на северных склонах горного хребта Копетдаг, в верховьях реки Сумбар, с центром в древнем ауле Нохур – бывшей крепости.

Нохурцы были всесторонне изучены Г.П. Васильевой, впервые представившей их достоверный этнический облик этнографической науке; посвященная им историко-этнографическая монография⁷⁸ стала началом ее дальнейшего творческого пути, на всем протяжении которого главным направлением ее исследований являются вопросы этногенеза и этнокультурных традиций туркменского народа.

Уже в год защиты своей диссертации Г.П. Васильева включилась в работы Хорезмской экспедиции и, возглавив Туркменский этнографический отряд, приступила к исследованию этнографии туркмен самой северной, Ташаузской области Туркменистана, включающей значительную часть Хорезмского оазиса – его северо-западные окраины с орошаемыми землями, Сарыкамышскую котловину и прилегающую к ним обширную северную часть пустыни Каракум. Источником водоснабжения культурных земель здесь был еще полноводный в средневековье Дарьялык – старое русло Амударьи, воды которого заполняли Сарыкамышское озеро, а временами и вытекавший из него Узбой, впадавший в Каспийское море. С начала XVI в. направление главного течения Амударьи стало изменяться – оно отклонилось в сторону Аральского моря; это повлекло за собой высыхание Дарьялыка и Сарыкамыша, гибель плодородных полей и садов, опустошение селений и древних городов Северного Хорезма – Ургенча и Везира, в то время уже ставших столицами узбекского хана Ильбарса и правителей его династии⁷⁹. На протяжении дальнейшей истории воды Амударьи лишь временами и на небольшой срок прорывались в Дарьялык, заполняя ирригационные каналы, и неустойчивое земледелие временно восстанавливалось. Более устойчивым оно было южнее, в низовьях старых хорезмских каналов Палван-ата, Газават и др., но в годы маловодья их нижние, хвостовые участки также часто пересыхали.

Туркмены издревле жили в этом регионе; они были тесно связаны исторически и этнически с аборигенами Хорезма – сартами. Еще в средние века здесь вместе

с сартами обитали огузы – основные предки туркмен, пришедшие с низовий Сырдарьи, где в VIII–XI вв. находился центр их кочевого государства. По восточным источникам, огузы были в Хорезме еще в XI в., в период сельджукского движения⁸⁰. Часть их, вероятно, осела тут, оказав большое влияние на тюркизацию ираноязычных аборигенов.

Исследования востоковедов и лингвистов свидетельствуют, что в XIII в. «почти весь земледельческий Хорезм, в том числе и города, говорили по-гузски (по-туркменски)»⁸¹. В языке современных южных узбеков Хорезма наряду с кипчакскими распространены огузские говоры, близкие туркменскому языку⁸². О давности туркмено-узбекских этнокультурных взаимовлияний говорят и некоторые этнографические материалы.

В XIV–начале XVI в. туркмены жили на обширной территории – по верхнему Узбою, вокруг озера Сарыкамыш, и по Дарьялыку, в окрестностях Везира и Ургенча, занимаясь скотоводством и земледелием; в периоды безводья они откочевывали со стадами в пески или переселялись в другие районы Хорезма. С приходом узбеков они вошли в состав населения нового ханства и включились в его политическую жизнь, активно участвуя в междоусобных распрях узбекской знати, военных походах ханов и народных восстаниях. Туркмены славились своей воинской доблестью и были самым непокорным народом в Хивинском ханстве; временами они служили ханам, будучи их мощной военной опорой, но часто выступали как враждебная им сила, как мятежники, сопротивлявшиеся ханской власти.

Северный Туркменистан до 1920 г. входил в состав Хивинского ханства, с 1920 до 1924 г. – в образовавшуюся после свержения последнего хивинского хана Хорезмскую Народную Советскую Республику, а после национально-государственного размежевания Средней Азии – в Туркменскую ССР.

В 1950–1960-е годы в Ташаузской области туркмены составляли большинство населения – около 56%; значительно было и число узбеков, сосредоточенных главным образом в г. Ташаузе и его округе – около 29%. Казахи составляли около 9%, а небольшие группы каракалпаков – менее 1%⁸³.

Туркменский этнографический отряд Г.П. Васильевой работал с небольшими перерывами 11 сезонов, в период с 1948 по 1966 г. Состав его участников менялся, в разные годы среди них были аспиранты-туркмены (А. Джикиев, Ш. Аннаклычев, К. Ниязклычев), сотрудники Института этнографии: Т.Н. Томина и др., археологи (Б.И. Вайнберг, Н.Н. Вактурская), архитекторы (Г.С. Костин, Ю.В. Стеблюк), геодезист Н.И. Игонин. Постоянными сотрудниками отряда были фотограф Ю.А. Аргиропуло, художники Т.В. Полетика и И.В. Савицкий, внесшие большой вклад в накопленные отрядом богатейшие собрания рисунков и фотографий по материальной культуре, народному искусству и быту хорезмских туркмен.

Сбор этнографического материала велся во всех районах области, но основное внимание уделялось Тахтинскому району – центру наиболее давней оседлости и земледелия туркмен-иомутов, а также Куня-Ургенчскому, где была особенно велика роль скотоводства у туркменского населения. Интересным оказался и Ильялинский район, наиболее пестрый по национальному составу жителей, среди которых несколько обузбеченных туркменских родовых групп, сохранивших, однако, туркменские этнонимы.

Одной из первоочередных задач отряда было детальное изучение этнического состава населения, в том числе этнографических групп туркмен, устойчиво сохраняющих в памяти и самосознании свою принадлежность к роду и племени, до недавнего времени игравшую определенную роль в их общественной жизни и семейном быту; эта традиция во многом проявляется и теперь. Собирались легенды и исторические предания туркменских родов, их генеалогии, сведения о переселениях и участии в исторических событиях, связанных с Хорезмом; уточнялось современное расселение. Собранные материалы существенно обогатили этническую историю северных туркмен и стали источником для составления и публикации ряда этнических карт: историко-этнических, реконструирующих родо-племенное расселение туркмен в первой поло-

вине XX в., и карты современного размещения всех основных национальностей и национальных групп⁸⁴.

Одновременно с этим циклом работ во всех районах отряд собирал собственно этнографический материал, выявляя разные типы традиционного хозяйства, традиционные социальные институты, обычаи и семейные обряды, своеобразную и яркую материальную культуру – типы оседлого и полуседлого жилища, юрты, одежду и украшения, во многих случаях сохраняющие специфические особенности у разных родоплеменных групп, разнообразные формы народного прикладного искусства – ковроделия, вышивки, выделки узорных кошм, ювелирных изделий и т.д. Этот полевой материал позволяет охарактеризовать не только общий облик культуры и быта северных туркмен, но и некоторое своеобразие их главных этнографических (родоплеменных) групп – иомутов, емрели, чоудоров, карадашлы, гокленов и др.

Новые ценные материалы широко публиковались в научных отчетах и статьях Г.П. Васильевой⁸⁵, а по окончании работ отряда были обобщены в ее монографии, посвященной современной жизни туркмен Хорезма. Это крупное историко-этнографическое исследование. Наряду с характеристикой происшедших в советский период преобразований в быту туркмен оно содержит обстоятельный исторический очерк и насыщено сведениями об историко-культурных традициях. В книгу включена и глава, посвященная религиозным представлениям туркмен; она написана В.Н. Басиловым, проводившим полевые работы по этой теме⁸⁶.

Отряд Г.П. Васильевой осуществил также несколько специальных полевых исследований, непосредственно связанных с археологическими изысканиями Хорезмской экспедиции. Первое из них проводилось в 1954 г., в период археологического изучения открытых экспедицией ирригационных систем и водоподъемных сооружений на склонах Сарыкамышской котловины; они датировались XV–XVI вв. – временем, когда озеро еще не полностью пересохло. По данным «Родословной туркмен» хивинского хана-историка Абулгази, тогда там обитали туркмены племени адаклы-хызыр, занимавшиеся земледелием и скотоводством. Археологи обнаружили явные следы их земледелия и поселений (планировки полей, обваловки юрт и др.)⁸⁷.

Отряду Г.П. Васильевой было поручено выяснить, не являются ли современные туркмены хызыр (хыдыр)-эли потомками средневековых жителей Сарыкамыша? Отряд успешно выполнил это задание, разыскав небольшие группы хыдыр-элинцев в Чарджууской области и близ Бухары, в Каракульском оазисе. Этнографическое обследование, легенды и предания, хозяйственные традиции подтвердили их этноисторическую связь с этими средневековыми предками⁸⁸.

Подобное же задание отряд выполнил в 1955 г., когда на побережье Каспия, где в урочище Куня-Огурджа, у впадения протока Узбоя – Аджаиб в море, археологи нашли остатки позднесредневекового поселения. Историко-этнографические материалы, собранные отрядом у прибрежных туркмен рода огурджали, показали, что эта этнографическая группа исторически связана как с жителями поселения на Аджайбе, так и с упоминаемой в источниках местностью Огурча (Огырча)⁸⁹.

Плодотворным по своим научным результатам оказалось и проведенное Туркменским отрядом в 1955–1957 гг. изучение покинутых в XIX в. туркменских поселений, расположенных на землях древнего и средневекового орошения на западе и северо-западе Хорезмского оазиса, в урочище Уз, по старым каналам Шамурат, Силай-яб и др. Они были заново вырыты или переуглублены в начале XIX в., когда произошел прорыв части амударьинских вод в проток Лаудан и обводнился Дарьялык. Орошенные новыми каналами земли ханы раздали либо своим сановникам, либо безземельным узбекам и туркменам, служившим им нукерами.

Эта местность, названная Ханабадом, превратилась ненадолго в цветущий оазис. В 1855–1856 гг. она была охвачена восстанием туркмен-иомутов. В целях его подавления по приказу хана на Лаудане построили плотину, которая закрыла доступ воды в Дарьялык, оросительную сеть туркмен и всего Ханабада. Поля пересохли, жители покинули свои селения. Одна часть туркмен переселилась, другая, занявшись ското-

водством, стала кочевать в Каракумах. Их селения превратились в развалины, изучение которых было поручено этнографическому отряду Г.П. Васильевой (урочище Уз и другие местности этого района), археолого-топографическому Б.В. Андрианова (Куня-Ургенчский район) и археолого-этнографическому Б.И. Вайнберг (к северу от Дарьялыка и некоторые местности к югу от него)⁹⁰. Этот цикл исследований существенно обогатил этнографические сведения о селениях и жилищах северных туркмен.

Большую помощь этнографам оказали жители окрестных поселков, среди которых нашлись потомки и родственники прежних обитателей. Благодаря их рассказам воссоздавался облик разрушенных селений, уточнялось назначение отдельных построек и помещений в жилых домах. Информаторы сообщили некоторые имена, родо-племенную принадлежность, социальное положение владельцев усадеб. Все это вместе с составленными чертежами и планами позволило разработать типологические классификации, систематизировать накопленные материалы по жилищу.

После 1966 г. Г.П. Васильева со своим отрядом переключилась на изучение туркмен в других регионах Туркменистана, выезжая туда уже в составе Среднеазиатской экспедиции Института этнографии. Этнографические материалы, собранные за годы работы в Хорезме, вошли в комплекс вновь накопленных по всему Туркменистану. Круг исследований Г.П. Васильевой расширился, появились ее труды, охватывающие общетуркменскую тематику⁹¹.

Среди общих проблем среднеазиатской этнографии ее более всего интересуют историко-этнографические. Привлекая большую литературу, археологические, архивные и другие источники, Г.П. Васильева именно в аспектах этногенеза и историко-культурных взаимосвязей исследует родо-племенную структуру туркмен, этнонимы, предания, обычаи и обряды, материальную культуру и прикладное искусство⁹². Особое внимание она уделяет ювелирным украшениям, которые у туркмен отличаются красотой, своеобразием и архаичностью форм, близких археологическим прототипам. Интересны связанные с ними верования, представления, обряды; важны украшения и как источник для выявления этногенетических связей туркмен⁹³. Г.П. Васильевой принадлежит приоритет в глубоком, разностороннем исследовании этого вида народного декоративно-прикладного искусства туркмен.

Этнографическое изучение туркмен Хорезма не ограничивалось работами Туркменского отряда Г.П. Васильевой. Существенный вклад в него внесла и Н.П. Лобачева, с 1945 г. ставшая активнейшим участником работ этнографических отрядов Хорезмской экспедиции. В течение нескольких лет она вела стационарное исследование группы туркмен родо-племенного подразделения ата в нескольких поселках колхоза им. М. Горького в Турткульском районе Каракалпакии и опубликовала посвященный им труд⁹⁴.

Исследования, проведенные пятью этнографическими отрядами Хорезмской экспедиции в 1940–1960-е годы, посвященные целому ряду проблем исторической этнографии населения Приаралья, внесли ценный вклад в развитие центральноазиатской этнографии. Многие из опубликованных участниками этих изысканий трудов содержат новые положения и выводы, выходящие за пределы региональной этнографической проблематики и имеют общетеоретическое научное значение. Обширные фонды накопленных отрядами полевых материалов, еще ожидающие изучения и публикации. Велико число уже изданных в центре и республиках статей и монографий этнографов «хорезмийцев»; их труды нашли отражение в ряде капитальных исторических и этнографических изданий. Большая роль принадлежит этим отрядам и в пополнении этнографических кадров квалифицированными исследователями, знающими методику и осознающими значение полевых работ.

Примечания

- ¹ Об этнических группах в составе узбеков см.: *Кармышева Б.Х.* Население // Этнографические очерки узбекского сельского населения. М., 1969. С. 18–20.
- ² *Иванов П.П.* Очерки по истории Средней Азии (XVI–середина XIX в.). М., 1958. С. 53.
- ³ Об «аралах» («аральцах») см.: Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740–1741 гг. поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным. СПб., 1851. С. 20; Описание Хивинского ханства, составленное в 1843 году подполковником штаба Г.И. Данилевским // Зап. ИРГО. Кн. V. СПб., 1851. С. 92 и др.
- ⁴ *Берг Л.* Аральское море. Опыт физико-географической монографии. СПб., 1908. С. 43; карта-вклейка на с. 44–45.
- ⁵ Б.Х. Кармышева отмечает, что в прошлом «сартами» называли обычно всех оседлых узбеков, не имеющих родоплеменного деления, но самоназванием этот этноним был лишь у узбеков Ташкентского оазиса, Ферганской долины и Хорезма. В Южном Узбекистане (бывшей Восточной Бухаре) у оседлых узбеков преобладало самоназвание «чагатай». См.: *Кармышева Б.Х.* Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этнографическим данным). М., 1970. С. 67.
- ⁶ *Лившиц В.А.* Иранские языки народов Средней Азии // Народы Средней Азии и Казахстана (Серия «Народы мира»). Т. 1. М., 1962. С. 140.
- ⁷ *Магидович И.* Население // Материалы по районированию Средней Азии. Кн. 2. Территория и население Бухары и Хорезма. Ч. 2. Хорезм. Ташкент, 1926.
- ⁸ Ныне Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН.
- ⁹ Вскоре после поездки К.Л. Задыхиной в Кипчакский район (1952 г.) он был объединен с Мангытским и вошел в состав вновь образованного Амударьинского района Каракалпакской АССР.
- ¹⁰ *Задыхина К.Л.* Узбеки дельты Аму-Дарьи // Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (далее – ТХАЭЭ). Т. 1. М., 1952. С. 333.
- ¹¹ Там же. С. 339, 340.
- ¹² «Фирдаус-уль-икбаль». Сочинение Муниса, продолженное и законченное Агехи. Перевод и примечания П.П. Иванова // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. II. XVI–XIX вв. М.; Л., 1938. С. 328.
- ¹³ *Задыхина К.Л.* Указ. раб. С. 322–329; *ее же.* Культура и быт узбеков Кипчакского района Каракалпакской АССР // ТХАЭЭ. Т. II. М., 1958. С. 763–764. Со времени образования на севере оазиса независимого от Хивы Аральского владения (XVII в.) с центром в Кунграде все большую политическую значимость приобретали узбеки-конграты; из их среды в конце XVIII–начале XIX в. выделились правители новой, Кунградской хивинской династии, правившей Хивинским ханством до 1920 г.
- ¹⁴ *Задыхина К.Л.* Узбеки дельты... С. 326.
- ¹⁵ Там же. С. 336, 342.
- ¹⁶ Там же. С. 338, рис. 1.
- ¹⁷ *Задыхина К.Л.* Культура и быт... С. 769.
- ¹⁸ *Толстов С.П.* Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 9–10. С. 9–11, 27–31; *его же.* Города гузов. Историко-этнографические этюды // Сов. этнография (далее – СЭ). 1947. № 3. С. 97–99.
- ¹⁹ *Жданко Т.А.* Очерки исторической этнографии каракалпаков. Родо-племенная структура и расселение в XIX–начале XX века // Тр. Ин-та этнографии (далее – ТИЭ). (Новая сер.). Т. IX. М.; Л., 1950. С. 82–94; *ее же.* Каракалпаки Хорезмского оазиса. Материалы полевых исследований Каракалпакского этнографического отряда Хорезмской экспедиции АН СССР (1945–1948 гг.) // ТХАЭЭ. Т. 1. С. 515–516 (цит. по: *Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов. Л., 1934. С. 48).
- ²⁰ *Задыхина К.Л.* Узбеки дельты... С. 337.
- ²¹ *Задыхина К.Л.* Культура и быт... С. 770.
- ²² Там же. С. 771. У узбеков Хорезма, как и у каракалпаков, туркмен и других тюркоязычных народов в терминологии сватовства сохранился средневековый монгольский термин *xuda* в форме куда, обозначающий «сват», (*кудагай* – сватья, мать невесты, жениха); *куда бала* – младшие родственники жениха, невесты (мужчины) и т.д.
- ²³ Фрагменты исторических преданий северных узбеков, записанных отрядом, включены в разные разделы указанных выше работ К.Л. Задыхиной.
- ²⁴ *Задыхина К.Л.* Культура и быт... С. 763.
- ²⁵ *Итина М.А.* От редактора // Кочевники на границах Хорезма // ТХАЭЭ. Т. XI. М., 1979. С. 5.
- ²⁶ *Задыхина К.Л.* Узбеки дельты... С. 353–359.
- ²⁷ *Иванов П.П.* Указ. раб. С. 150.
- ²⁸ *Задыхина К.Л.* Узбеки дельты... См. в «Приложении» термины родства и свойства по отцу на с. 415–420, по матери – на с. 421–426.
- ²⁹ Там же. С. 391–397.

- ³⁰ *Задыхина К.Л.* Пережитки возрастных классов у народов Средней Азии // Родовое общество. Этнографические материалы и исследования // ТИЭ. Т. XIV. М., 1951. С. 157–179.
- ³¹ *Кнорозов Ю.В.* Мазар Шамун-Наби. (Некоторые пережитки домусульманских верований у народов Хорезмского оазиса) // СЭ. 1949. № 2. С. 86–97.
- ³² *Задыхина К.Л.* Некоторые вопросы изучения этнического состава населения бассейна Кашка-Дарьи в Сурхандарьинской области Узбекской ССР // Краткие сообщ. Ин-та этнографии (далее – КСИЭ). Вып. XXXVII. М., 1962. С. 39–45. Неопубликованная этническая карта хранится в архиве Отдела народов Средней Азии и Казахстана Ин-та этнологии и антропологии РАН.
- ³³ Архив хивинских ханов, большинство документов которого исходит из канцелярий главных хивинских сановников, был конфискован при завоевании Хивы в 1873 г., но вскоре утерян. В 1936 г. его обнаружил в Государственной публичной библиотеке в Ленинграде проф. П.П. Иванов; ему же принадлежит первая частичная публикация и начало исследования архива. См.: *Иванов П.П.* Архив хивинских ханов XIX в. Л., 1940.
- ³⁴ Диссертация была защищена в 1947 г. в Ин-те этнографии АН СССР. См.: *Корбе О.* Защита диссертаций в Институте этнографии // СЭ. 1947. № 3. С. 158; *Сазонова М.В.* Земельные отношения в Хивинском ханстве в XIX в. // КСИЭ. Вып. VI. 1949. С. 64–67 (автореферат).
- ³⁵ *Григорьев В.В.* Описание Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковой крепости // Зап. ИРГО. Кн. I. 1861. С. 137. Автором изданного В.В. Григорьевым труда, относящегося к 1803 г., был П.Е. Величко, директор Оренбургской таможни.
- ³⁶ *Муравьев Н.* Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819–1820 гг. Ч. II. М., 1822. С. 25.
- ³⁷ *Бартольд В.В.* Хорезм // Соч. Т. III. М., 1965. С. 552.
- ³⁸ *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана // Соч. Т. II. Ч. I. М., 1963. С. 206, 211–212, 248.
- ³⁹ Этнографическая карта Ханкинского района // ТХАЭЭ. Т. I. С. 248.
- ⁴⁰ *Сазонова М.В.* К этнографии узбеков Южного Хорезма (Полевые исследования Южноузбекского этнографического отряда, Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1946–1948 гг.) // ТХАЭЭ. Т. I. С. 253–260.
- ⁴¹ *Сазонова М.В.* Традиционное хозяйство узбеков Южного Хорезма. Л., 1978. С. 9–77.
- ⁴² *Сазонова М.В.* К этнографии узбеков... С. 253. Помимо работы над «Архивом хивинских ханов» она изучала в 1969 и 1970 гг. в Ташкенте другие архивные фонды. См.: *Сазонова М.В.* Обзор материалов из фондов Центрального государственного архива УзССР по ирригации и земледелию // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М., 1975. С. 42–62.
- ⁴³ *Сазонова М.В.* К этнографии узбеков... С. 259, рис. 3; *её же.* Традиционное хозяйство... С. 12–25, 38 (в работах даны фрагменты полевых записей, хранящихся в Ленинградском отделении Ин-та этнографии АН СССР).
- ⁴⁴ *Кунде* – нижняя часть дерева, комель, пень, обрубок (*Миллер М.* Персидско-русский словарь. М., 1953. С. 409). Кунде изготовлялось из ствола дерева с отходящим от него под тупым углом суклом.
- ⁴⁵ *Вавилов Н.И.* Возделываемые растения Хивинского оазиса (Ботанико-агрономический очерк) // Тр. по прикладной ботанике, генетике и селекции. Т. XX. Л., 1929.
- ⁴⁶ *Бартольд В.В.* К истории орошения Туркестана // Соч. Т. III. С. 162–163; *Самойлович А.Н.* Из туркестанской старины // Наука и просвещение. Вып. 2. Ташкент, 1937. С. 42–43 и др.
- ⁴⁷ *Лобачева Н.П.* Огни Сафара в Хорезме (о забытых праздниках) // Этнограф. обозрение (далее – ЭО). 1995. № 5. С. 24–36.
- ⁴⁸ *Сазонова М.В.* К этнографии узбеков... С. 260–267, рис. 4–7.
- ⁴⁹ *Бартольд В.В.* О колесном и верховом движении в Средней Азии // Соч. Т. IV. М., 1966. С. 407.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Амударьинский клад. Каталог выставки. Автор вступительной статьи и составитель Е.В. Зеймаль. Л., 1979. С. 37–38, рис. 7.
- ⁵² *Сазонова М.В.* К этнографии узбеков... С. 267–273, рис. 8, 9. (Изделия гончаров сопоставлялись с керамикой из раскопок, проведенных до 1950 г.)
- ⁵³ Там же. С. 273–277, рис. 10–11.
- ⁵⁴ *Сазонова М.В.* Украшения узбеков Хорезма // Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Сб. МАЭ. Т. XXVI. Л., 1970. С. 113–142.
- ⁵⁵ *Задыхина К.Л., Сазонова М.В.* Мужская одежда узбеков Хорезма конца XIX–начала XX в. // Костюм народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки. М., 1979. С. 151–169; *Сазонова М.В.* Женский костюм узбеков Хорезма // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М., 1989. С. 90–106.
- ⁵⁶ *Толстов С.П.* Новые материалы по истории культуры древнего Хорезма // Вестн. древней истории. 1946. С. 98; *её же.* Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948. С. 155–156, 159. На основании новейших материалов Хорезмской экспедиции этот вопрос рассматривает Е.Е. Неразик в

- статье «Бартольд и некоторые вопросы этнографии Хорезма» // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. Нукус. 1989. С. 112–122.
- ⁵⁷ Сазонова М.В. К этнографии узбеков... С. 282–301, рис. 14–26.
- ⁵⁸ Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме (I–XIV вв.). Из истории жилища и семьи. Археолого-этнографические очерки // ТХАЭЭ. Т. IX. М., 1976. С. 194–196 и др., рис. 109.
- ⁵⁹ Сазонова М.В. К этнографии узбеков... С. 301–310.
- ⁶⁰ Там же. С. 311–318.
- ⁶¹ Снесарев Г.П. Под небом Хорезма. (Этнографические очерки). М., 1973. С. 6.
- ⁶² Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969. С. 6.
- ⁶³ Там же. С. 6–7.
- ⁶⁴ Снесарев Г.П. Под небом Хорезма... С. 6.
- ⁶⁵ Там же. С. 19–20.
- ⁶⁶ Снесарев Г.П. Работа Узбекского этнографического отряда Хорезмской экспедиции в 1954 году // КСИЭ. Вып. XXVI. 1957. С. 131–137; *его же*. О некоторых причинах сохранения религиозно-бытовых пережитков у узбеков Хорезма. (По полевым материалам 1954–1956 гг. Узбекского отряда Хорезмской археолого-этнографической экспедиции) // СЭ. 1957. № 2. С. 60–72; *его же*. Материалы о первобытно-общинных пережитках в обычаях и обрядах узбеков Хорезма // Материалы Хорезмской экспедиции (далее – МХЭ). Вып. 4. М. 1960. С. 134–145; *его же*. Обряд жертвоприношения воде у узбеков Хорезма, генетически связанный с древним культом плодородия // Там же: С. 198–202; *его же*. Большей частью захоронения у оседлого населения левобережного Хорезма // КСИЭ. Вып. XXXIII. М., 1960. С. 60–71 и др.
- ⁶⁷ Лобачева Н.П. Свадебный обряд хорезмских узбеков // КСИЭ. Вып. XXXIV. М., 1960. С. 39–48; *ее же*. Значение общины в жизни семьи (по материалам свадебной обрядности хорезмских узбеков) // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. С. 41–53 и др.
- ⁶⁸ Стеблюк Ю.В. Исмамут-ата (К типологии погребальных сооружений у народов Средней Азии) // СЭ. 1959. № 3. С. 89–97; *его же*. Погребальные сооружения Южного Хорезма XVIII–XIX вв. // МХЭ. Вып. 7. М., 1963. С. 100–107.
- ⁶⁹ О.А. Сухарева [Рец.]: Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969 // СЭ. 1970. № 1. С. 187.
- ⁷⁰ Снесарев Г.П. По следам Анахиты // СЭ. 1971. № 4. С. 153–165; *его же*. Люди и звери. (Этнографические поиски в области культа животных) // СЭ. 1972. № 1. С. 166–177; *его же*. Три хорезмские легенды в свете демонологических представлений // СЭ. 1973. № 1. С. 48–59 и др.
- ⁷¹ Снесарев Г.П. Традиция мужских союзов в ее позднейшем варианте у народов Средней Азии // МХЭ. Вып. 7. С. 155–205; *его же*. К вопросу о происхождении праздника суннат-той в его среднеазиатском варианте // Занятия и быт народов Средней Азии. Среднеазиатский этнограф. сб. Вып. III // ТИЭ. Т. ХСVII. Л., 1971. С. 256–273.
- ⁷² Снесарев Г.П. Объяснительная записка к «Карте расселения узбеков на территории Хорезмской области (конец XIX–начало XX в.)» // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. С. 75–94, рис. 1 и 2 (карты).
- ⁷³ Снесарев Г.П. Опыт картографирования некоторых элементов духовной культуры в сочетании с картографированием этническим и диалектологическим // Проблемы картографирования в языковедении и этнографии. Л., 1974. С. 240–246.
- ⁷⁴ Снесарев Г.П. Хорезмские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии. М., 1983. С. 3–4.
- ⁷⁵ Там же. С. 200–211.
- ⁷⁶ Снесарев Г.П. Под небом Хорезма... С. 3.
- ⁷⁷ Васильева Г.П. Туркменское племя нохурли. (Опыт этнографической монографии) // КСИЭ. Вып. VII. М., 1949. С. 78–83. См. также: Корбе О. Указ. раб. // СЭ. 1949. № 4. С. 204–205.
- ⁷⁸ Васильева Г.П. Туркмены-нохурли // Среднеазиатский этнограф. сб. I. ТИЭ. Т. XXI. М., 1954. С. 82–215.
- ⁷⁹ Бартольд В.В. Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен // Соч. Т. III. С. 88–89. См. также: Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой. (История формирования и заселения) // МХЭ. Вып. 3. М., 1960. Гл. I. Проблема древнего течения Амударьи в свете новейших геоморфологических и археологических данных.
- ⁸⁰ Бартольд В.В. Очерки истории туркменского народа // Соч. Т. II. Ч. 1. С. 570–572.
- ⁸¹ Якубовский А.Ю. Феодалное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X–XV вв. // Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. I. Вып. 3. Л., 1932. С. 23.
- ⁸² Боровков А.Г. Вопросы классификации узбекских говоров // Изв. АН Уз. ССР. 1953. № 5; Абдуллаев Ф.А. Фонетика хорезмских говоров. Опыт монографического описания огузского и кипчакского наречий узбекского языка. Ташкент, 1967.

- ⁸³ По данным на 1 января 1962 г. (Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Туркменская ССР. М., 1967. С. 132).
- ⁸⁴ *Васильева Г.П.* Объяснительная записка к историко-этнографической карте Ташаузской области Туркменской ССР // *Материалы к Историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана.* ТИЭ. Т. XLVIII. М.; Л., 1961. С. 24–25, карты 1–3.
- ⁸⁵ *Васильева Г.П.* Итоги работы Туркменского отряда Хорезмской экспедиции за 1948 г. // *ТХАЭЭ.* Т. 1. С. 427–460; *ее же.* Из истории туркменского населения западных районов Ташаузской области // *Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР.* Т. VII. Сер. этнографическая. Ашхабад, 1963. С. 10–35; *ее же.* К этнографии туркмен восточных районов левого бережного Хорезма // *МХЭ.* Вып. 7. С. 138–164 и др.
- ⁸⁶ *Васильева Г.П.* Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане. М., 1969. 391 с.
- ⁸⁷ «Адаклы» – по месту обитания этих туркмен. Средневековый Адак (ныне – развалины крепости Ак-Кала) находился на восточных окраинах Сарыкамыша, на одном из протоков Дарьялыка. О поселениях туркмен на Сарыкамыше см.: *Толстов С.П., Кесь А.С., Жданко Т.А.* История средневекового Сарыкамышского озера // *Вопр. геоморфологии и палеогеографии Азии.* М., 1955. См. также: Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой. Гл. IV. Сарыкамыш.
- ⁸⁸ *Васильева Г.П.* Этнографический маршрут в центральных районах Чарджоуской обл. Туркменской ССР и Бузарской обл. Узбекской ССР // *КСИЭ.* Вып. XXVI. М., 1967. С. 127–131; *ее же.* Работы Туркменского этнографического отряда в 1954–1956 гг. // *МХЭ.* Вып. 1. М., 1959. С. 169–178.
- ⁸⁹ *Васильева Г.П.* Работы Туркменского этнографического отряда... С. 178–185.
- ⁹⁰ *Андрианов Б.В., Васильева Г.П.* Покинутые туркменские поселения XIX века в Хорезмском оазисе // *КСИЭ.* Вып. XXVIII. М., 1958 [обл. 1957]. С. 39–46; *их же.* Опыт археолого-этнографического изучения покинутых туркменских поселений XIX в. // *Изв. АН Туркменской ССР.* Сер. обществ. наук. 1957. № 2. См. также: *Вайнберг Б.И.* Туркменские поселения по Дарьялыку. (По материалам Туркменского археолого-этнографического отряда 1957 г.) // *МХЭ.* Вып. 4. С. 115–133.
- ⁹¹ *Васильева Г.П.* О роли этнических компонентов в сложении свадебной обрядности у туркмен // *История, археология и этнография Средней Азии.* М., 1969. С. 324–332; *ее же.* Современное состояние народного декоративно-прикладного искусства туркмен // *СЭ.* 1974. № 5. С. 60–73; *ее же.* Этнокультурные связи туркмен с Передней Азией и Кавказом (по материалам одежды) // *Изв. АН Туркменской ССР.* Сер. обществ. наук. 1982. № 2. С. 35–39 и др.
- ⁹² *Васильева Г.П.* Народное декоративно-прикладное искусство как источник для этногенеза (на примере туркмен) // IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Доклады советской делегации. М., 1973; *ее же.* Этнические компоненты в составе туркмен по данным этнографии // *Проблемы этногенеза туркменского народа.* Ашхабад, 1977. С. 95–108; *ее же.* Этнические процессы у западных туркмен в эпоху позднего феодализма (XVI–XVIII вв.) // *СЭ.* 1985. № 5. С. 83–91 и др.
- ⁹³ *Васильева Г.П.* Головные и накосные украшения туркменок XIX–начала XX в. // *Костюм народов Средней Азии.* С. 174–205; *ее же.* Магические функции детских украшений у туркмен // *Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии (Историко-этнографические очерки).* М., 1986. С. 182–206; *ее же.* Украшения-обереги туркмен // *Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана.* С. 171–183; *ее же.* Ювелирные украшения как источник для этногенетических исследований (по материалам Туркмении) // *Проблемы этногенеза и этнической истории Средней Азии и Казахстана.* Вып. III. М., 1991. С. 119–126 и др.
- ⁹⁴ *Лобачева Н.П.* Очерки культуры и быта колхозников – освоителей Кызылкумов (по материалам колхоза им. М. Горького Турткульского района Каракалпакской АССР) // *Занятия и быт народов Средней Азии.* С. 3–35. Кроме Хорезмской экспедиции этнографию северных туркмен в 1950-е годы исследовала этнографическая экспедиция МГУ под руководством Г.Е. Маркова. См.: *Марков Г.Е.* Очерки истории формирования северных туркмен. М., 1961 и др.

T.A. Zhdanok. Ethnographic researches and ethnographers of the Khorezm expedition (continuation)

The second part of the article published in «EO», 1997, № 1. Here the author says about the ethnographic expeditions that worked in the Khorezm region of Uzbekistan, Karakalpakya and Northern Turkmenia. These works were of particular importance for the development of Central Asia ethnographic studies.